

Там в лесу драконы

Кучу камней и скальных обломков на вершине горы можно было со стороны принять за лежащего зверя. Огромного и могучего. Поросшего мхом по хребту. Если прищурить глаза, можно разглядеть и сложенные крылья, и голову с вытянутой, остроносой мордой и множеством острых зубов.

Ух, страшно.

Мой брат Том не боялся. Он бесстрашно вскочил верхом на обомшелую спину и крикнул:

— Я победил дракона!

Мой брат, убийца драконов.

— Да не убийца, — поправил Том. — Ну что ты, Тео. Я не убиваю драконов. Они такие красивые.

— Тогда драконий всадник? — предложил я, карабкаясь вверх, ближе к нему.

— Я тоже хочу поскакать на нём велхом, — сказала наша младшая сестра Лотти, ей три года всего.

— Конечно, — сказал я, — а как же.

— А твой Пони не обидится? — спросил Том.

— Не-е. — Лотти помотала головой.

Пони — это плюшевый единорог Лотти. Она всегда таскает его с собой. И на нашу воскресную прогулку, которая нам так нравится. Но лучше всего здесь была эта куча обломков скалы.

Может, даже опасно было на неё взбираться.

По крайней мере, это было непросто.

— Тео, помоги, — потребовала Лотти.

И я помог ей и Пони вскарабкаться на камни. И мы все уселись на самом верху. И вот уже трое наездников, сидя верхом на мшисто-зелёной спине чудовища, летят навстречу небу.

Ну, почти.

По крайней мере, нам открывался вид поверх верхушек деревьев. И мы смотрели свысока на улицы и дома у подножия горы. В одном из этих домов мы и жили.

И ещё мы видели отсюда наших маму и папу, они пришли с нами, но теперь дремали на полянке, на покрывале для пикника.

Ветер дул нам в лицо.

— Ю-ху! — кричал Том.

— Лети, наш дракон! — вопил я.

— Не надо бояться, — уговаривала Лотти своего единорога Пони.

И трое драконьих всадников, может быть, добрались бы до ближнего облака, если бы снизу, с полянки, не донеслось:

— Эй, озорники, уже пора домой!

Папа проснулся.

Мы заныли.

— Ладно, народ, ещё десять минут, — сказал папа. —

И уходим. Завтра снова в школу.

— Пятнадцать, — торговался Том.

— Тли, — сказала Лотти, поднимая вверх четыре пальца.

— Помолчи, Лотти, — сказал я.

И Лотти горько разревелась.

А папа сказал:

— Хочешь, я поднимусь и заберу тебя?

И Лотти крикнула:

— Нет. Мама!

И папа велел маме лезть наверх. Мама больно удари-
лась о камень ногой. А Лотти ревела. А Том ворчал, по-
тому что не хотел домой. А я ему сказал, чтобы не вы-
пендривался.

За это Том мне врезал.

А потом я врезал Тому.

И Лотти после этого разревелась ещё громче.

А папа крикнул:

— Никогда больше не поеду с вами на пикник! Кому только в голову пришла эта дурацкая затея?

И мама сказала:

— Тебе.

В итоге потребовалось гораздо больше десяти минут, чтоб нам спуститься со скалы, а потом с горы к машине.

— Так, — сказал папа, — все в машине, дверцы закрыты?

— Да! — крикнули мы.

— Хорошо, — сказал папа и нажал на кнопку блокировки дверей, чтобы так и оставалось.

Снова школа

Летние каникулы прошли.

И снова начиналась школа.

Вернее, это у меня она начиналась снова. Я теперь ходил во второй класс.

А Том пошёл только в первый. Праздник первоклассников ему понравился. Ранец вообще был супер. А лучше всего был огромный кулёк со сладостями.

Но всё остальное он не одобрил. Что надо сидеть смирно. Вести себя тихо. А самое главное — рано вставать.

Каждое утро у нас звенел будильник.

Его никто не слышал, кроме мамы.

Как, например, сегодня.

Мама встала со своей кровати и побрела будить нас всех — папу, Тома и меня.

Одной только Лотти можно было спать, но она вместо этого увязалась за мамой и требовала:

— Мама, на лучки! Мама, почитай!

Мама, держа Лотти на руках, пыталась разбудить нас, то поглаживая, то почёсывая.

— Как ни жаль, а надо вставать, — приговаривала она.

— Ну ладно, — сказал я.

— И не подумаю, — сказал Том.

Прозвучало это довольно глухо, потому что он накрылся одеялом с головой. Но его возмущение прорывалось и сквозь одеяло.

— Ты мой маленький сурок, — приговаривала мама, поглаживая одеяло приблизительно в том месте, под которым предполагалась голова Тома.

Том рычал.

Лотти посмеивалась:

— Никакой он не сулок, мама. Он тигл.

— Наш сонный тигр, — подхватила мама.

— Наш разъярённый тигр, — поправил я.

Том становится ещё разъярённее, когда он сонный. Или когда он голодный. Или когда недовольный. И даже когда ему грустно.

Сейчас как раз было всё это одновременно.

— Где папа? — прорычал тигр Том из-под одеяла.

Мама приложила палец к губам:

— А вы прислушайтесь!

Лотти перестала дышать, Том откинул одеяло, и мы все прислушались.

И слышали папу. То есть его храп. Тут и прислушиваться не требовалось:

— Хр-р-р фью-у-у, хр-р-р фью-у-у-ху-у, — доносилось из спальни.

— Ого, — почтительно сказал Том. — Ещё один тигр. Папа-тигр.

Лотти захихикала.

— Папа-медведь, — сказала она.

— Папа-дракон, — сказал я.

— И кто же разбудит папу-дракона? — спросила мама.

— Я! — крикнули мы все в один голос.

Лотти соскользнула с маминых рук, мы с Томом спрыгнули с кровати:

— Вперёд, ура!

Папа резко перестал храпеть, когда Том приземлился ему на живот, Лотти потянула его за волосы, а я крикнул у него над ухом:

— Подъём!

— Уа-а-ах! — вскрикнул папа.

— Теперь все проснулись, — сказала мама, прислонясь к дверному косяку. — Осталось только одеться. И почистить зубы. И причесаться. Ах да, и не забыть сходить в туалет.

— Это уже пустяки, — простонал папа.

В это утро мы с Томом пришли в школу почти что вовремя.

Самокатчики

В школу мы с Томом всегда едем на самокатах.

Так гораздо быстрее.

Это кстати, когда опаздываешь. А мы-то почти всегда опаздываем.

Мой самокат поблёскивает чёрным. А у Тома яркосиний.

Мы катимся по нашей улочке. Дорога неровная, мощённая булыжником, но мы всё равно мчимся напролом.

Мы всегда воображаем, будто наши самокаты — это дикие мустанги, которые так и норовят нас скинуть. Или это у нас самые быстрые в мире гоночные автомобили.

— А ведь это могли быть и драконы, а, Том? — крикнул я Тому в это утро.

— Что? — не расслышал Том.

Ехать по булыжникам — это не только тряско, но ещё и очень громко.

— Драконы! — крикнул я, оборачиваясь.

— Где? — Том озирается. И замечает Лотти. И останавливается. Я тоже торможу.

Мы каждое утро останавливаемся в переулке, чтобы помахать Лотти. А сегодня чуть не забыли.

Лотти очень сердится, когда мы забываем ей помахать. А если Лотти и мама забывают нам помахать, то очень сердится Том.

Лотти с мамой стояли у окна. На втором этаже, в нашей детской под самой крышей. Мама была ещё в ночной рубашке, а Лотти в пижаме.

Раз наши самокаты превратились в драконов, значит, Лотти стала принцессой в высокой башне. А мама — королевой.

— Блатики, пливетики! — вопит принцесса Лотти.

— Салют следопытам! — кричит наша мама, госпожа королева. — Да поосторожнее там!

— Пф-ф, — презрительно фыркает Том, — у нас же вот! — И стучит костяшками пальцев по своему шлему.

У нас с Томом у каждого по собственному шлему. Правда, это, к сожалению, не рыцарские стальные шлемы, с забралом и перьями. Но мой такой оранжевый, что даже светится в темноте. А у Тома новенький и красный. Ярко-красный.

Я считаю, это красиво.

Том тоже так считает.

Лотти тоже.

Но Нильс из четвёртого класса, кажется, так не считает. Когда мы прикатили через несколько минут на почти пустой школьный двор и направились к велостоянке, он торчал там и крикнул:

— Том — томатная башка.

А двор школы был почти пустой, потому что время было уже почти восемь. И Нильс брякнул такую глупость, потому что такой уж он есть.

— Том — томатная башка. Ха-ха! — Он просто заливался громким смехом.

Том ничего на это не сказал.

Я тоже ничего не сказал. Но заметил, как Том покраснел. Под цвет своего шлема.

Мы закатали свои самокаты в свободный уголок.

— Он такой глупый, этот Нильс, — сказал я.

Том кивнул.

— Ну, пока? — спросил я.

Том снова кивнул.

Ему надо было идти налево, к западному входу, а мне направо, к восточному.

Том больше не обернулся. А я обернулся. И увидел, что он совсем не торопится, хотя мы уже опоздали.

Я подумал: может, Том медлит, потому хочет быть уверен, что Нильс уже ушёл и больше не попадётся ему на пути?

Будь Том белый рыцарь, а Нильс — злой чёрный рыцарь, тогда бы у Тома не было причины для тревоги. Ведь белый рыцарь всегда одерживает верх! Но Том со своим красным шлемом был всего лишь Том. А Нильс всего лишь гадкий тип.

Я был рад, что класс этого гадкого Нильса находится далеко от моего.

Но всё же я немного тревожился.

В бассейн

Из школы нас забрали мама с Лотти.

Лотти катилась на своём беговеле, посадив единорога Пони в маленькую корзинку на руле.

— Сюлплиз! — крикнула она. И принялась вовсю давить на мини-гудок.

— Лотти, твой Пони оглохнет, ты гудишь ему прямо в ухо, — крикнул я.

— Не, — заверила Лотти. — Пони это нлавится.

И Пони действительно улыбался. Правда, улыбается он всегда.

Мама полностью загрузила свой велосипедный прицеп. Я заметил, что из-под полотенец и подстилок выглядывает надувной пингвин Лотти. На шее у него висели наши ныряльные кольца¹.

— Мы что, идём в открытый бассейн? — воодушевлённо спросил Том.

¹ Ныряльные кольца — это такие удобные грузики размером с тарелку, чтобы нырять с ними или бросать в воду и нырять за ними. (Примеч. ред.)

— Ну, я подумала, надо же использовать наш абонемент. Пока сезон не закрыт. Идёт?

Ещё бы.

Открытый бассейн мы любим.

Мы с Томом засунули наши ранцы в мамин велосипед, взяли самокаты — и поехали.

— Лотти поедет рядом со мной, Тео — впереди меня, а Том — замыкающим, — распорядилась мама. — Поедем через парк. Потом по дороге мимо футбольного поля. Вы будете ехать по тротуару, ясно?

Это был хороший план.

Но Лотти, если не стоит, едет очень быстро. И Тому приходилось останавливаться, чтобы его толчковая нога отдохнула. А я ехал впереди и не знал, что они остановились, пока мама не крикнула:

— Стоп, всем стоять!

Я затормозил так, что камешки полетели из-под колёс.

Том бурчал, что он только-только разогнался как следует.

Лотти снова поправляла своего Пони в корзинке.

— Мне надо передохнуть, — простионала мама. — Я с вами как пастушья собака.

— Ты собака, мама? — удивилась Лотти.

— Да.

— А мы тогда кто?

— А вы — мои бедные овечки, — сказала мама.

— Ме-е-е! — заблеял я.

— Мё-ё-ё! — вторил мне Том и рассмеялся.

Лотти давила на свой гудок как безумная.

А единорог Пони улыбался, конечно.

И мы поехали дальше.

И наконец приехали.

— Не верится, что до бассейна можно доехать всего за десять минут, — пробормотала мама, сходя с велосипеда.

— В следующий раз, мама, доедем быстрее, — пообещал я.

Мы собрали весь наш транспорт — мамин велосипед, беговел Лотти и наши с Томом самокаты — в одну разноцветную кучу железа и сомкнули её одним шлангом-замком.

А мамин прицеп покатали через проход. По дорожке, вымощенной плитами.

Мимо зелёного газона, который гораздо зеленее той скудной травки, что растёт у нашего дома, потому что здесь каждый вечер включают поливалки.

Под сенью здешних старых деревьев.

Мы выбираем всегда одно и то же место, где расположиться. Под самым старым, самым развесистым деревом.

Это бук, говорит мама.